

Попрощавшись с Чжун Цзином, я один направился обратно в класс.

Послеполуденный кампус был ещё тише, чем утром. Большинство либо отдыхали в спальнях, либо дремали в классах, набираясь сил перед дневными занятиями. Солнце пекло по-прежнему нещадно, выбеливая бетонные дорожки до слепящего блеска, а листья придорожных камфорных деревьев поникли от жары.

Школа и впрямь была небольшой, но компактно спланированной. Поскольку она была создана специально для второгодников и выпускников, готовящихся к решающему рывку, основные здания состояли из двух стоящих рядом учебных корпусов. Выглядели они не новыми, но содержались в порядке. Говорили, что две трети учеников — естественники, и все они занимались в моём корпусе под названием «Минлилоу» — Башня постижения истины. Учителя же работали в отдельном трёхэтажном здании позади, которое студенты в шутку прозвали «Академией Ханьлинь».

Между двумя корпусами располагался маленький, но изящный садик — настоящий оазис, где можно было перевести дух посреди этого мира, заполненного контрольными и формулами. Проходя через сад, я слышал далёкие свистки и топот ног с тренировочной площадки.

У этой школы была ещё одна особенность: чтобы привлечь и подготовить учащихся с физкультурным и художественным уклоном, здесь имелось довольно серьёзное оборудование: отдельные танцевальные залы, комнаты для занятий музыкой, даже небольшой крытый бассейн и несколько стандартных баскетбольных площадок.

Мой корпус «Минлилоу» был шестиэтажным, на каждом этаже по четыре класса, всего двадцать четыре класса естественно-научного направления для повторного обучения. Мой класс — третий для повторников — находился на четвёртом этаже.

Поднимаясь по лестнице, я чувствовал, как послеобеденная усталость смешивается с внутренней растерянностью, делая каждый шаг тяжёлым. В коридоре никого не было, стены по обе стороны были увешаны фотографиями лучших выпускников прошлых лет и мотивирующими лозунгами, создавая безмолвное, но гнетущее давление.

Открыв заднюю дверь класса, я убедился, что внутри действительно почти никого нет. Лишь несколько учеников: кто-то спал, положив голову на парту, кто-то в наушниках хмурился над задачкой, а ещё двое-трое тихо переговаривались в задней части класса — их голоса, приглушённые до шёпота, в тишине всё равно были отчётливо слышны. Наверное, обсуждали какую-то сложную задачу.

Ли Чжи и Ли Юань на своих местах отсутствовали, и я почему-то вздохнул с облегчением. Я прошёл в свой уголок на последнем ряду и сел.

Солнце немного сместилось и теперь освещало пустую парту передо мной и несколько ослепительно новых учебников, лежавших на ней. Я машинально взял верхний — «Математика для старшей школы (обязательный курс 1)», раскрыл обложку. На белоснежных страницах,

кроме типографских формул и примеров, не было ни одной моей пометки. Чистота, казавшаяся насмешкой. Я пролистал физику, химию... То же самое. От новых страниц пахло типографской краской, но этот запах вызывал лишь ещё большую тревогу.

С чего начинать? Функции? Я даже основные тригонометрические формулы не помнил. Законы Ньютона? Эти формулы и буквы казались мне тарабарщиной. Уравнения химических реакций? Давно испарились вместе с годами. Я слишком давно покинул школу — настолько, что моя система знаний давно рассыпалась в руины. И вот сейчас я стою посреди этих руин, без единого подходящего инструмента в руках, и должен на незнакомой земле заново отстроить дворец под названием «университет». Чувство бессилия и ничтожности почти захлестнуло меня. Я даже начал сомневаться, не было ли моё возвращение, основанное на смутном воспоминании о том, что «нужно стараться», огромной, непосильной ошибкой.

И в тот момент, когда я, уставившись в учебник, почти готов был утонуть в отчаянии, рядом раздался мягкий, чуть нерешительный голос:

— Он... пошёл к учителю?

Я поднял голову и увидел Су Цзинь. Она незаметно подошла и стояла рядом с моей партой. В руках она держала бледно-голубую термокружку и бессознательно водила пальцем по её стенке. Взгляд её был устремлён не прямо на меня, а на пустое место рядом — на стул Ли Чжи, — но я понял, что она спрашивает о Чжун Цзине.

— Угу, — кивнул я, отвечая честно. — Он сказал, что зайдёт к учителю Сюй. — Я вспомнил, как в столовой она упоминала о конкурсе по биологии.

— К учителю Сюй? — Су Цзинь слегка нахмурилась, словно что-то припоминая. — В это время... учителя Сюй обычно нет в кабинете. Он привык после обеда разбирать оборудование в подсобке у лабораторного корпуса.

— Тогда... — я опешил. — Он зря пошёл?

Уголки губ Су Цзинь, кажется, чуть приподнялись. Улыбка была едва заметной, с оттенком сложных чувств.

— Расписание работы кабинетов и учителей ему должно быть известно лучше всех. — Она помолчала, затем добавила ещё тише, словно разговаривая сама с собой или объясняя мне: — В конце концов, такие люди, как он... с коммуникабельностью у них всегда всё в порядке, правда? Он умеет всё устроить гладко и удобно.

В её голосе не слышалось явной похвалы или осуждения, но под этим спокойным повествованием, казалось, таилась едва уловимая, трудноуловимая эмоция. Смирная обречённость? Или лёгкая горечь?

— А... да, — не зная, как ответить, я неопределённо пробормотал. Про себя же подумал, что «сила» Чжун Цзиня, вероятно, проявлялась не только в учёбе и общении, но и в умении проводить чёткие границы — например, в его отношении к Су Цзинь.

Повисла короткая пауза.

Взгляд Су Цзинь наконец оторвался от пустого стула Ли Чжи и вернулся ко мне, вернее, к раскрытому передо мной девственно чистому учебнику математики. В её глазах мелькнуло явное удивление, но она быстро вежливо его скрыла.

— Сейчас уже несколько дней как начались занятия, — она сменила тему, голос её снова стал мягким. — Ты новенький, возможно, не совсем в курсе. Через несколько дней, когда прекратят приём новичков, по всем предметам начнётся систематическое повторение. Темп будет очень высоким. — Она предупреждала меня по-доброму.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я. Это было для меня очень важно.

— Не за что, — Су Цзинь покачала головой. Её взгляд снова невольно упал на мои подозрительно чистые учебники. На этот раз удивление сменилось почти нескрываемым любопытством и... недоумением? Она, кажется, колебалась мгновение, прежде чем указать на мои книги, стараясь говорить непринуждённо:

— Твои книги... такие чистые.

Моё лицо мгновенно вспыхнуло, стыд сжал сердце. Я понимал, что она имеет в виду. В этом классе для второгодников, где каждый стремился исписать конспектами каждую страницу, утыкать учебник пометками, мои совершенно новые, словно только что выданные, книги выглядели как чужеродный элемент, немой свидетельством моей «нулевой базы» и «незаинтересованности».

Возможно, увидев моё мгновенно покрасневшее лицо и смущение, Су Цзинь сразу поняла, что её слова прозвучали неловко. На её лице промелькнуло извинение, и она поспешно добавила:

— Извини, прости. Я не хотела ничего такого... Просто я действительно редко вижу у... ну, у тех, кто учится, такие... белые книги. — Она подбирала слова осторожно, стараясь заменить слово «обычный» чем-то более мягким, но смысл был очевиден.

— Ничего, — я опустил голову, голос звучал глухо. На кого обижаться? Всё так и есть.

Словно желая загладить свою оплошность, а может быть, просто по привычной доброте, Су Цзинь слегка подалась вперёд и, глядя на меня, сказала:

— Если... если после начала повторения у тебя возникнут вопросы, которые будут непонятны,

— её голос звучал искренне, — можешь спрашивать меня. У меня каждый день... довольно много свободного времени, всё равно делать нечего.

Ничего не делать каждый день? Я вспомнил слова Чжун Цзиня о том, что она пошла на пересдачу из-за него, и, взглянув на её спокойный, но с оттенком пустоты взгляд, примерно понял. Её «свобода» была, возможно, не от безделья, а от того, что сердце её было занято, но не находило пристанища, и потому она вкладывала большую часть энергии в учёбу, которая, вероятно, давалась ей легко.

— Хорошо, — снова кивнул я. На этот раз, кроме благодарности, в душе появилось и сложное чувство.

— Ну, тогда я пойду к себе, — Су Цзинь, словно выполнив какую-то социальную миссию или проявив добрую волю, тихо выдохнула, одарила меня лёгкой, дежурной улыбкой, повернулась и направилась к передней части класса.

Я невольно проводил её взглядом. Она прошла и села на третьем ряду впереди меня, у окна. И это место, как ни странно, находилось в своеобразной симметрии с местом Чжун Цзиня, разделённое проходом между рядами. Сев, она не сразу достала книгу, а повернулась к окну, подперев щеку рукой. Закатные лучи покрыли её спокойный силуэт тонкой золотистой каймой, хвостик мягко ниспадал на одно плечо. В этом слегка суетливом и тревожном классе повторников её фигура казалась особенно тихой и... особенно одинокой.

<http://bllate.org/book/19329/1890399>